

DOI 10.15393/j9.art.2017.4101

УДК 821.161.1.09“18”

Юлия Константиновна Вуколина*Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

altiavestrit@mail.ru

О ПОЭТИКЕ ЗАГЛАВИЯ РАССКАЗА И. С. ШМЕЛЕВА «ЛИК СКРЫТЫЙ»

Аннотация. Статья посвящена поэтике заглавия рассказа И. С. Шмелева «Лик скрытый». Анализируются идейно-тематические аспекты заглавия, раскрывающие художественную структуру данного произведения. Рассказ получил название «Лик скрытый» во второй, финальной, машинописной редакции (в ранней редакции он озаглавлен «Отпуск»). Писатель делает акцент на внутреннем, коренном переломе в сознании главного героя, а не на внешних событиях. Эта интенция реализуется в идейной структуре художественных образов: автор излагает философию героев по принципу «тезис—антитезис—синтез». Однако присутствует и четвертая точка зрения, стоящая над остальными и находящаяся вне этой системы имманентных отношений и теоретических суждений персонажей, — православная. В тексте выявляются несколько семантических уровней образной системы рассказа, которые актуализируются в концептах «лик», «лицо», «личина». Лик скрытый — не что иное, как образ Божий, заключенный в каждом человеке, его истинная, изначальная суть. Таким образом, в заглавии рассказа раскрывается авторская целеустановка Шмелева.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, «Лик скрытый», история текста, редакции, поэтика заглавия, бытие, быт, лик, лицо

Рассказ «Лик скрытый» (1916), написанный И. С. Шмелевым в годы Первой мировой войны, — квинтэссенция «религиозно-философских раздумий автора за все прошедшие годы» [1, 145]; [2, 22]. Писатель сам особо выделил это произведение из своего творчества, предпослав ему посвящение: «Моему сыну» (Сергей, единственный сын Шмелева, впоследствии расстрелянный большевиками, находился тогда на фронте). Именно этот рассказ, как впервые заметила В. Т. Захарова, дал заглавие последнему предоктябрьскому сборнику произведений Шмелева [2, 22]¹.

Между тем рассказ «Лик скрытый» недостаточно изучен. Исследователи упоминали это произведение, обращаясь к философским концепциям, повлиявшим на мировоззрение писателя [5]; [12]; [3]; рассматривали его в контексте военной прозы начала XX века [8]; изучали структурные особенности произведения [6]; писали о многозначности и символике заглавия [9, 8]; [2, 22]. К изучению поэтики заглавия рассказа «Лик скрытый» с опорой на творческие материалы архива Шмелева не обращался никто из исследователей.

В НИОР РГБ (Научно-исследовательский Отдел рукописей Российской государственной библиотеки) сохранились автографы Шмелева², содержащие две редакции рассказа, а также несколько листов с черновыми неоконченными набросками, изучение которых показывает, что свое заглавие произведение получило не сразу. Сначала Шмелев назвал его «Отпуск». Но уже в Первой редакции на одном из листов рукой автора сделана карандашная запись, свидетельствующая об эволюции его взглядов, переключении акцента на внутренний мир героев, в контекст религиозно-философских исканий:

1) *Лики скрытыя* — отъ кажд. дѣйств., <предмета?> есть скрытое, б<езъ?> внутр. смысла и значенія.., люди дум<ають> что въ войнѣ они бьются за то то и то-то, но это лишь видимое, реальное, а внутреннее, не реальное — это кровавый узелъ, котор<ый> надо распутать³.

Заглавие «Лик скрытый» окончательно утверждено автором во Второй, финальной редакции. В целом она отличается более глубокой проработкой этической проблематики рассказа: в Первой редакции преобладала военная тематика, во Второй появляются эпизоды, переключающие внимание читателя на иной, духовный, план бытия, — покупка главным героем рассказа, Сушкиным, Евангелия; рассуждения его попутчика, капитана Шеметова, о законах «Великих Весов».

Фабула рассказа проста: молодой поручик Сушкин едет в отпуск, мечтая встретиться с невестой. С попутчиками, тоже военными, у него завязывается разговор о жизни, судьбе, человеке — у каждого из них свой взгляд на мир. По приезде домой Сушкин узнает, что его невеста вышла замуж и уехала,

после чего он возвращается на фронт. Центральный эпизод в сюжете рассказа — поездка поручика и его полилог с попутчиками — построен как микрорассказ, в котором автор сталкивает мировоззрения героев. У математика и ницшеанца Сушкина жизнь подчиняется рациональному расчету и строится на борьбе:

— Я и раньше смотрѣлъ на жизнь, какъ на результатъ *моей* воли, *моихъ* усилій... Хочу, знаю — и строю!⁴

Капитан Грушка, противореча ему, настаивает на приоритете чувств над разумом:

...Все въ жизни сводить къ математикѣ, къ этимъ таблицамъ вашимъ! Это вотъ сведите, попробуйте, — потыкаль онъ въ грудь (8-9).

Шеметов же не соглашается ни с одним из них и, философски преобразуя правду каждого, приходит к психоматематике (синтез математики Сушкина и душевных порывов Грушки), философии «Великих Весов» и «Лица»:

...Математика — математикой, но есть еще очень мало обслѣдованная наука... пси-хо-математика! <...> Пусть это наука о жизни Мировой Души, о Мировомъ Чувствѣ, о законахъ управляющей Мировой Силы (17).

Автор вводит в рассказ еще одну точку зрения — матери Сушкина. На фоне жарких споров главных героев ее правда звучит тихо, но, пожалуй, сильнее прочих — это вера в Бога и Промысел:

— Надо вѣрить, Паля... Я вѣрю въ Промысль (48).

Соотношение мировоззрений персонажей можно представить следующей триадой: тезис (Сушкин) — антитезис (Грушка) — синтез (Шеметов). Особняком, не участвуя в этой «войне правд», стоит над ними Правда — христианство (мать Сушкина).

Шмелев раскрыл свое понимание рассказа в письме к О. А. Бредиус-Субботиной:

Т а м , в рассказе, в с е дано, что потом должно было б ы т ь и что еще длится: о б м а н ЖИЗНИ. И во всем — с а м и виноваты.

Там, в рассказе — две «системы» строить жизнь и познавать ее, — сталкиваются: *ratio*, *ratio*, и... сердце, душа... — самому смутно⁵.

Синтезируя различные философские идеи: В. Соловьева (Мировая Душа, Мировая Сила), Ницше (культ воли) и Достоевского (ответственность за содеянное), — Шмелев создает теорию капитана Шеметова, в которой причудливо смешались *ratio* и *irratio*, богословие и математический расчет.

В рассказе Шмелева затронута тема Апокалипсиса и Второго пришествия Христа. В письме О. А. Бредиус-Субботиной писатель признается, что «нежданно дал предчувствие “ужасов”»⁶. Его герой, Шеметов, разделяет предощущение автора. Он говорит Сушкину:

— Должно пройти через Крестъ! Оно <человечество> еще только сколачиваетъ этотъ Крестъ, чтобы быть распятымъ для будущаго Воскресенія (24).

Шеметов подчеркивает, что Христос придет судить людей, допустивших «гипертрофию мяса» на земле (23). Капитан пытается оправдать массовые убийства на войне и свое участие в них тем, что таким образом он способствует наступлению Царствия Небесного, помогая человечеству преодолеть «стацию проклятого “мяса”», в которой оно сейчас пребывает (23).

В своей теории Шеметов затрагивает, прямо его не называя, вопрос теодицеи — оправдания Бога за то, что в мире существует зло. Так, Г. В. Лейбниц объяснял зло как необходимую ступень для достижения будущей гармонии мира [4, 96]. Идея оправдания Бога в данном случае отождествляется с идеей оправдания зла. Августин Блаженный, напротив, утверждал, что на Боге нет вины за зло мира, оно есть порождение павшей человеческой воли⁷. Шеметов признает, что война — это своеобразный этап-испытание, которое является залогом будущего Воскресения. Шеметов оправдывает причиненное им зло «высшими соображениями», он не садист, а «хирург», участвующий в круговой поруке и отдающий долг тем, кто его заслужил (26). Одновременно он оправдывает Бога Его великой жертвой людям:

...Все челоѵчество <...> сказало Однимъ Избранникомъ:

«за нихъ Я посвящаю Себя чтобы и они были освящены Истиною!» И напрасной оказалась Жертва (24–25).

Для себя Шеметов решает вопрос теодицеи, перенося ответственность за зло на людей и считая его неизбежным атрибутом существования человечества на данном этапе.

Шмелеву близка философия Шеметова. Он пишет О. А. Бредиус-Субботиной:

Я радуюсь... Правде. <...> Полу-чат.! Я рад, что сбивается спесь с гордых, снимают лишнюю шкуру с толстокожих, хоть тут, м. б. и некоторые интересы и нетолстокожих пострадают... — но — «круговая порука ответственности» жива: ты совершил... так — помни! — за это — и... в сем. Значит: не грехи, помни о... сугубой ответственности, под-расти!!! морально. Вот — философия полк. Шеметова <...>. Только смотря так, можно примириться с «несправедливостью» <...>: по виду-то страдают ма-ленькие! Нет, приходит срок — и отливается сугубо — и... не-маленьким. В этом великая Правда, Божия. Для Господа нет ни больших, ни маленьких. Да, страдание... здесь... — и это — новое доказательство того, что здешним не кончается. Будет — тамошнее. Вот тогда — как-то — и возмерится, итог будет подведен. И все воспоют: «Слава Правде Твоей, Господи!»⁸.

Заглавие является средоточием евангельской темы в рассказе, выражая его символический христианский смысл. Таким образом, концепт Лица примиряет и собирает вместе разнородные суждения персонажей.

По мнению Т. В. Филат, «Лик скрытый» — эмоционально-оценочное, креативное заглавие: оно одновременно несет в себе «как креативную, так и рецепционную интенции», интригует читателя, «заставляя его обратиться к тексту». Исследовательница поясняет, что «рецепционная интенция — это привлечение внимания читателя скрытым смыслом, проясняющимся только при чтении текста». В поэтике заглавий Шмелева, по мнению Т. В. Филат, «доминирует многозначность»: «...реципиент всегда важен, писатель учитывает психологию восприятия заглавий, своим авторским словом направляя внимание читателя» [9, 112–118].

Действительно, заглавие интригует своей мистичностью и множественными коннотациями. Что же такое лик? Вот несколько значений: «Лицо (устар. и высок.), а также изображение лица на иконах»; «перен. Внешние очертания, видимая поверхность чего-н. (книжн.)»; «(устар.). Единое множество, сонм»⁹.

В своем труде «Иконостас» Павел Флоренский выделяет триаду: «лик / лицо / личина». Понятие лика выражает онтологическую проявленность; лицо — индивидуально, реально; личина же — полная противоположность лику, блокирующая его проявление. Подлинным знаком бытия Флоренский считает Лик. Это истинная, духовная суть человека. Лик выражает нечто, вечно ему присущее. Идея лика воплощает христианское представление о человеке. Христос для Флоренского — «Лик ликов», «Абсолютное Лицо».

При всей явленности Лик Христов неуловим. Существует легенда о том, как художник Лука пробовал писать Христа на площади, но ничего не вышло. Тогда Иисус пришел к Луке и попросил у него плащаницу. Христос умыл лицо и, приложив к нему плащаницу, оставил на нем отпечаток Лика (см. об этом: [7, 183]).

По Флоренскому, лик — это осуществленное в лице подобие Божие: «...по-гречески лик называется идеей — εἶδος, ἰδέα — <...> в этом именно смысле лика — явленной духовной сущности, созерцаемого вечного смысла...» [10, 28]. Так, лицо Моисея, удостоившегося богообщения, просияло божественным светом: «И видѣша сынове Израилевы лице Моисеово, яко прославися: и возлагаше Моисей покровъ на лице свое, дондеже видеть глаголати съ нимъ» (Исх. 34:35).

Для Шмелева Лик скрытый — не что иное, как образ Божий, заключенный в каждом человеке, его истинная, изначальная суть, которую люди утратили, надев на себя маски-личины. Так, в Ветхом Завете сказано: «И рече Богъ: сотворимъ челоѡвка по образу Нашему и по подобію» (Быт. 1:26).

Среди персонажей рассказа есть героиня, в образе которой проступает Лик, — Наташа; «лица» — Сушкин, Шеметов, Грушка, доктор; есть и «личины» — продавщица пряников, Евсеев, полячка, толстяк из ресторана и его дама.

Сушкин видит скрытый Лик в не ставшей ему женой, но любимой, обожаемой им Наташе:

И вдруг увидалъ Наташу, несравнимо-прекрасную, которую никогда не видалъ раньше (50).

Она наделяется эпитетами «белая», «чистая», «светлая» и ассоциируется у героя с ландышами: «И тихіе ландыши — маленькія Наташи» (7).

Остальные герои пытаются «угадать» друг друга, почувствовать что-то особенное, но чужие лики от них скрыты. Так, Шеметов говорит Сушкину: «И въ Вашей жизни, поручикъ, есть ликъ скрытый!» (21–22). Сушкин же, в свою очередь, думает о Шеметове:

Но было что-то въ этомъ невеселомъ лицѣ, чего онъ не могъ сразу опредѣлить (14); ...у него было много тяжелаго: написала на лицѣ жизнь (17).

Персонажи-личины даны Шмелевым через восприятие Сушкина, выпукло, гротескно. Личина выставляет напоказ все самое неприглядное, мешая проступить лику. В подпоручике неприятное животное чувство вызывает продавщица:

...глаза *играли* томнымъ, фальшивымъ, блескомъ <...>. Жеманясь, <...> она *играла* глазами и яркимъ ртомъ... (курсив мой. — Ю. В.) (30).

Сушкин, глядя на нее, вспоминает слова Шеметова: «...“вотъ оно, мясо-о... красивое, чортъ возьми!”» (31). В другом эпизоде в описании хозяйки-польки сквозит чувственность:

...онъ былъ захваченъ очарованіемъ молодого и свободного тѣла. <...> Онъ жадно смотрѣлъ на ея голубой лифчикъ и обнаженныя руки... (33–34).

Случайно встреченные в ресторане толстяк и его спутница вызывают у Сушкина усмешку. Их поведение во время еды, жадность и «сладострастность» толстяка и нарочитая интеллигентность дамы по отношению к пище, наводят читателя на мысль о грехе чревоугодия:

...лысый круглоголовый толстякъ, съ выпуклыми глазами, <...> густо мазалъ зернистой икрой кусочки калачика <...>, сладострастно выворачивая глаза. Выпятившаяся горбомъ

тугая манишка, какъ-будто, тоже жевала, жеваль и галстукъ, и запонка-нагрудка, искрившаяся глазкомъ изумруда. Жеваль и сердито-жадно глядѣль на даму. <...> Она <дама> кушала деликатно, серебряной вилочкой, омары лапки: повертить на вилочкѣ — и скушаетъ (39).

Персонажи-личины — то самое шеметовское «мясо», под которым герой подразумевает людей бездуховных, с низкой моралью. Для него они — плоть, и только. В черновиках Шеметов прямо называет их «мясо-личностями»¹⁰, что близко к понятию «личина».

Шеметов так излагает концепцию Лика:

— Хотѣлось бы знать мнѣ... <...> только ли внѣшними оболочками мы живемъ, что доступно глазу и цифрѣ? Нѣтъ ли еще и сокровеннаго смысла какого, Лика вещей и дѣйствій? (19).

Лик в его понимании — сокровенный смысл, недоступный обычному зрению. Узреть этот скрытый Лик можно, лишь совершая душевную работу, научаясь за внешним видеть внутреннее:

Только подрасти надо, поглубже взглядѣться, душой прикоснуться къ скрытому Лику жизни. Мірѣ въ себя влить и себя связать съ міромъ. <...> Жизнь идетъ къ невѣдомой цѣли <...>. И носить она въ себѣ свой Ликъ скрытый... (20, 22).

Таким образом, Лик — это сокровенный, скрытый смысл *самой Жизни*, недоступный обычному зрению. Для того чтобы его увидеть, нужно «мирѣ въ себя влить и себя связать съ міромъ» (20), — иными словами, *Я* превратить в *Мы*, причаститься, т. е. буквально стать частью мира. Шеметов проводит параллель между Жизнью и Ликом — одно не может без другого, одно в другом. Он приходит к выводу, что Лик этот можно почувствовать только интуитивно, «по запаху»: в его понимании он — сердцевина, средоточие, некий первообраз.

Кроме параллели «Лик — Жизнь», Шеметов проводит параллель «Лик — Истина»:

Лоскутки тащимъ и кричимъ: вотъ она, истина! <...> И тутъ все-таки хоть маленькую какую истинку имѣть нужно — для освѣщенія этой дороги-призрака <...>. А если я <...> громадное пламя имѣю? (22).

П. Флоренский писал:

Наше русское слово «истина» лингвистами сближается съ глаголомъ «*есть*» (истина — естина). Такъ что «*истина*», согласно русскому о ней разумѣнью, <...> «сущее», подлинно-существующее <...>. ...это — «живущее», «живое существо», «дышащее» <...> — таково понятие о ней у русскаго народа [11, 15, 17].

Интересно то, что истина в понимании П. Флоренского «есть суждение само-противорѣчивое» [11, 147]. Только включив в себя различные точки зрения, столкнув тезис и анти-тезис, она может парадоксально существовать и развиваться. Понимание Истины Флоренским и определение Лица Шеметовым близки и образуют цепь взаимосвязанных понятий: Лик — Жизнь — Истина.

«Лик скрытый» стал квинтэссенцией, «узлом», в который сплелись духовные искания автора. В рассказе выразилось его видение и понимание мира, осознан Лик, скрытый в человеке. Концепт Лица будет не раз выражен в последующих произведениях И. С. Шмелева — в «Неупиваемой Чаше», «Богомолье» и «Путьх Небесных».

Примечания

- ¹ Шмелев И. С. Лик скрытый: Рассказы 1915–1916 гг. [Москва]: Кн-во писателей в Москве, 1917. 189 с. (Рассказы / И. С. Шмелев; Т. 8).
- ² Шмелев И. С. Лик скрытый. Отпуск. Рассказ // НИОР РГБ. Ф. 387.8.6. 51 с.
- ³ Шмелев И. С. ... НИОР РГБ. Ф. 387.8.6. Л. 23 об.
- ⁴ Шмелев И. С. [Избранное]. М.: Т-во «Книгоизд-во писателей въ Москвѣ», 1917. Т. 8: Ликъ скрытый: Рассказы 1915–1916 гг. С. 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://philolog.petrso.ru/shmelev/texts/arts/arts.htm>. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
- ⁵ И. С. Шмелев и О. А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах: в 2 т. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. С. 426.
- ⁶ Там же. С. 409.
- ⁷ Августин Блаженный. Исповедь / пер. М. Е. Сергеевко. М.: Наука, 2013. С. 371.
- ⁸ И. С. Шмелев и О. А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах... С. 563.
- ⁹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2005. С. 326.
- ¹⁰ Шмелев И. С. ... НИОР РГБ. Ф. 387.8.6. Л. 46 об.

Список литературы

1. Захарова В. Т. Импрессионистические тенденции в русской прозе начала XX века. — М.: МПУ, 1993. — 162 с.
2. Захарова В. Т. Поэтика прозы И. С. Шмелева. — Нижний Новгород: Мининский университет, 2015. — 106 с.
3. Каскина Ю. У. Философия «великих весов» в рассказе И. С. Шмелева «Лик скрытый» // Поэзия русской жизни в творчестве И. С. Шмелева / под ред. Л. А. Спиридоновой [и др.]. — М., 2011. — С. 106–113.
4. Лейбниц Г. В. Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла (с приложениями). 1706–1710 // Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. — М.: Мысль, 1989. — Т. 4. — С. 49–554.
5. Любомудров А. М. Философия и эстетика В. С. Соловьева в художественном мире Ивана Шмелева // Вестник Волгоградского гос. университета. Серия 8. Литературоведение. Журналистика. — 2010. — № 9–8. — С. 22–27.
6. Ляпаева Л. В. Структурные особенности рассказа И. Шмелева «Лик скрытый» // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. XIII междунар. науч.-практ. конф. — Новосибирск: СибАК, 2012 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sibac.info/conf/philolog/xiii/28564> (10.11.2016).
7. Сероштан С. И. Маска и ее место в триаде «лик-лицо-личина» // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Философия». — Т. 19 (58). — № 1. — 2006. — Симферополь: Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского. — С. 182–184.
8. Спиридонова Л. А. От облика к лику: образ солдата в творчестве И. Шмелева // XII Сургучевские чтения. Литература и журналистика в пламени войны: от Первой Мировой до Великой Победы. — Ставрополь, 2015. — С. 168–174.
9. Филат Т. В. Поэтика заглавий прозы И. Шмелева (своеобразие семантики и структуры) // Вісник Дніпропетровського університету економіки та права ім. Альфреда Нобеля: Серія «Філологічні науки». — 2011. — С. 112–118.
10. Флоренский П. А. Иконостас. Избранные труды по искусству. — СПб.: Мифрил, Русская книга, 1993. — 365 с.
11. Флоренский П. А. Сочинения: в 2 т. (Репринтное воспроизведение издания 1914 г.). — М.: Правда, 1990. — Т. 1: Столп и утверждение истины. — Часть I. — 490 с. (Приложение к журналу «Вопросы философии»). Серия «Из истории отечественной философской мысли» [Электронное издание]. — URL: http://imwerden.de/pdf/florensky_stolp_i_utverzhdenie_istini_1914.pdf (15.10.2016).
12. Щенникова Л. П. Ф. Достоевский и И. Шмелев: компаративистический аспект // Вестник СПбГУКИ. — 2012. — №4 [Электронный ресурс]. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/f-dostoevskiy-i-i-shmelev-komparativisticheskiy-aspekt> (17.09.2016).

Yuliya K. Vukolina

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

altiavestrit@mail.ru

ON THE POETICS OF THE TITLE OF I. S. SHMELEV'S STORY "THE HIDDEN FACE"

Abstract. The article is dedicated to the poetics of Shmelev's story's title "The Hidden Face". The ideological and thematic aspects of the title, that develop story's fiction structure of the writing are exposed to analysis. The story got its final title in the last, second, manuscript edition (its previous title was "Furlough"). The writer accentuates the character's inner, radical crisis of consciousness, rather than external events. This intention manifests itself in the ideological structure of artistic images: the characters' philosophy is based on the principle "thesis — antithesis — synthesis". However, there is another viewpoint, that prevails over others and comes out of this system of immanent relations and theoretical judgments of the characters — the Orthodox one. In the text there are several semantic levels of an image system of the story that are kept current in the concepts of "holy face", "face" and "mask". The Hidden Face is nothing more than God's image, contained in every human being, in other words, his true, original nature. Thus, in the title of the story the author's idea of Shmelev is revealed.

Keywords: Ivan Shmelev, "The Hidden Face", history of the text, manuscript editions, poetics of story's title, being, daily life, "holy face", "face"

References

1. Zakharova V. T. *Impressionisticheskie tendentsii v russkoy proze nachala XX veka* [*Impressionist Tendencies in Russian Prose of the Beginning of the 20th Century*]. Moscow, Moscow Pedagogical University Publ., 1993. 162 p. (In Russ.)
2. Zakharova V. T. *Poetika prozy I. S. Shmeleva* [*The Poetics of Prose of I. S. Shmelev*]. Nizhny Novgorod, Mininskiy universitet Publ., 2015. 106 p. (In Russ.)
3. Kaskina Yu. U. Philosophy of "The Great Weigh-Scalee" in I. S. Shmelev's Story "The Hidden Face". In: *Poeziya russkoy zhizni v tvorchestve I. S. Shmeleva* [*Poetry of Russian Life in the Works of I. S. Shmelev*]. Moscow, 2011, pp. 106–113. (In Russ.)
4. Leibniz G. W. Experiments of Theodicy About Divine Goodness, Freedom of Man and Beginning of the Evil (with Addendams) 1706–1710. In: *Leybnits G. V. Sochineniya: v 4 tomakh* [*Leibniz G. W. Works: in 4 Vols*]. Moscow, Mysl' Publ., 1989, vol. 4, pp. 49–554. (In Russ.)
5. Lyubomudrov A. M. V. S. Solovyov's Philosophy and Aesthetics in Ivan Shmelev's Artistic World. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8. Literaturovedenie. Zhurnalistika* [*Science Journal of Volgograd State University. Series 8. Literary Criticism. Journalism*], 2010, no. 9–8, pp. 22–27. (In Russ.)

6. Lyapaeva L. V. Structural Features of Shmelev's Story "The Hidden Face". In: *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii: sbornik statey po materialam XIII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [In the World of Science and Art: Questions of Philology, Art Criticism and Culture Studies: Collection of Articles Based on the Proceedings of the 13th International Scientific and Practical Conference]. Novosibirsk, SibAK Publ., 2012. Available at: <https://sibac.info/conf/philolog/xiii/28564> (accessed 10 November 2016). (In Russ.)
7. Seroshtan S. I. The Mask and Its Place in the Triplicity "Holy Face — Face — Mask". In: *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya «Filosofiya»* [Proceedings of Taurida National V. I. Vernadsky University. Series "Philosophy"]. Simferopol, Taurida National V. I. Vernadsky University Publ., 2006, vol. 19 (58), no. 1, pp. 182–184. (In Russ.)
8. Spiridonova L. A. From the Look to the Holy Face: The Image of a Soldier in I. S. Shmelev's Works. In: *XII Surguchevskie chteniya. Literatura i zhurnalistika v plameni voyny: ot Pervoy Mirovoy do Velikoy Pobedy* [The 12th Surguch Readings. Literature and Journalism in the Flame of War: From the First World War to the Great Victory]. Stavropol, 2015, pp. 168–174. (In Russ.)
9. Filat T. V. The Poetics of the Titles in I. Shmelev's Prose (Peculiarities of Semantics and Structure). In: *Visnyk Dnipropetrovskoho universytetu ekonomiky ta prava im. Alfreda Nobelia: Seriya «Filolohichni nauky»* [Bulletin of Dnepropetrovsk University of Economics and Law Named After A. Nobel: Series "Philological Studies"], 2011, pp. 112–118. (In Russ.)
10. Florenskiy P. A. *Ikonostas. Izbrannye trudy po iskusstvu* [Iconostasis. Selected Works on Art]. St. Petersburg, Mifril Publ., Russkaya kniga Publ., 1993. 365 p. (In Russ.)
11. Florenskiy P. A. *Sochineniya: v 2 tomakh (Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1914 goda)* [Works: in 2 Vols (Reprint of the Edition of 1914)]. Moscow, Pravda Publ., 1990, vol. 1: A Pillar and Affirmation of the Truth. Part I. 490 p. Available at: http://imwerden.de/pdf/florensky_stolp_i_utverzhdanie_istini_1914.pdf (accessed 15 October 2016). (In Russ.)
12. Shchennikova L. P. F. Dostoevsky and I. Shmelev: A Comparative Aspect. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of St. Petersburg State University of Culture and Arts], 2012, no. 4. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/f-dostoevskiy-i-i-shmelev-komparativisticheskiy-aspekt> (accessed 17 September 2016). (In Russ.)